

Хаос, посеянный блогерами, затянулся до самого рассвета. Ни усилия администрации, ни прибывающие жильцы не могли утихомирить толпу. В «Цзинмэй Таюань» стягивалось всё больше стримеров — казалось, в поминальном шатре лежит не прах, а туша, которую вот-вот начнут делить стервятники.

Сил отдела тяжких преступлений не хватало для подавления столь массовых беспорядков. Только когда на подмогу прибыли патрульные из ближайшего участка и отряд общественной безопасности из управления западного округа, возбужденных стримеров и зевак удалось оттеснить и увести.

Юэ Цянь, одним из первых вставший на пути беснующейся толпы, промок от пота и был на грани истощения. Е Бо протянул ему бутылку воды:

— Тяжело пришлось. Держишься еще?

Офицер жадно осушил почти всю бутылку и потер воспаленные, налитые кровью глаза.

— Командир Е, мне нужно доложить кое-что важное.

Заметив крайнюю степень усталости подчиненного, Е Бо покачал головой:

— Не горит. Сначала передохни. Допросами я займусь сам. Может, поешь чего?

Юэ Цянь и впрямь чувствовал волчий голод. Вскоре Чжоу Сяоцзюнь принес ему из столовой огромную миску лапши. Едва проглотив несколько порций, следователь заговорил:

— Среди тех, кто пришел сегодня, были и простые любители собак, и активисты из обществ защиты животных, и интернет-знаменитости, почуявшие запах наживы. Но их ярость подпитывали два вброса. Первый — о том, что полиция якобы убивает собак...

— Кто пустил эту чушь? — перебил Е Бо. — Никто их не убивал!

Восемь бродячих псов, терзавших тело, действительно были пойманы и изолированы, но ни одно животное не пострадало. Дальнейшая их судьба всё еще обсуждалась.

Юэ Цянь кивнул:

— Очевидно, кто-то намеренно раскачивает лодку. Возможно, этот человек никак не связан с убийством, просто ловит хайп на горячей теме — ведь трафик приносит деньги. Но есть и

другая вероятность: слухи — часть плана убийцы. Сместить акцент на собак, чтобы общество начало сочувствовать животным, а не жертве. В сети уже полно комментариев, что Чжу Цзяньшоу получил по заслугам.

— Но есть и второй повод для гнева, куда более серьезный, — продолжил Юэ Цянь. — Я слышал, как они кричали, что покойный замучил до смерти чихуахуа. Один из стримеров даже спросил меня прямо в лицо, правда ли это. Мы ведь еще не проверяли эту сторону его жизни?

Лицо Е Бо помрачнело.

— Нет, в деле этого нет.

— Я спросил того парня об источнике информации, он ответил: «Все об этом знают». — Юэ Цянь просматривал ленты прямых эфиров. — Смотрите, почти в каждом стриме упоминают чихуахуа. Если бы не эта история, они бы не посмели громить поминальный шатер.

Е Бо распорядился, чтобы технический отдел проанализировал сетевую активность, а Юэ Цяня всё же отправил отдыхать. Сам командир вместе с остальными оперативниками засел за допросы задержанных. Но какой уж тут сон? Юэ Цянь устроился в углу мониторинговой комнаты и стал просматривать фрагменты стримов.

На экранах царил форменный хаос. Семья Чжу выглядела жалко и озлобленно, портрет покойного был разбит, а на его место кто-то успел приклеить фото крошечной чихуахуа.

На другом видео, снятом в самом начале конфликта, Инь Мо еще стоял на сцене. Толпа теснила его в угол, кто-то наступил на подол длинного платья, он едва не упал. И тут в кадре, словно на ускоренной перемотке, появился Юэ Цянь. На этой дрожащей записи его рывок и то, как он закрыл собой актера, выглядели поистине эпично — словно сошествие небесного воителя на землю.

Юэ Цянь невольно хмыкнул.

«И не думал я, что на видео буду выглядеть так круто»

Это видео заставило его на миг задуматься об Инь Мо.

«Наверное, он и его группа уже в безопасности? После того как мы разделились, я был слишком занят и больше его не видел»

Хотя стримеры и вопили про «феодалские пережитки», их главной мишенью был клан Чжу. Бумажный братец, скорее всего, не пострадал.

Поколебавшись, Юэ Цянь всё же отправил сообщение:

[Ты дома? Никто из твоих не ранен?]

Инь Мо не ответил. Следователь вернулся к мониторам.

Одним из самых активных зачинщиков был А Жуй, владелец зоомагазина. Он позиционировал себя как благодетеля, открывшего бизнес из любви к животным, и часто участвовал в спасательных операциях. Как только новость из «Цзинмэй Таоюань» попала в сеть, он вцепился в неё мертвой хваткой. Услышав о «жестокое обращение» с собаками, он пришел в ярость и стал подстрекать единомышленников к протесту. В процессе подготовки он, по его словам, и узнал «всю правду» о Чжу Цзяньшоу.

Якобы тот когда-то держал чихуахуа, но по какой-то причине ежедневно избивал собаку палкой. Соседи постоянно слышали жалобный визг, а в конце концов старик просто выбросил животное из окна, разбив его насмерть.

Когда Е Бо спросил А Жуя об источнике этих слухов, тот лишь самодовольно заявил:

— Так говорят все. Разве такое можно выдумать?

Остальные задержанные твердили то же самое. Просматривая протоколы допросов, Юэ Цянь видел, что большинство активистов просто ослеплены праведным гневом. Но за ниточки дергали те, кому на собак было плевать. Стримеры-миллионники раздували пламя ненависти, превращая каждый лайк в звонкую монету.

Ближе к утру техническая разведка вычислила первоисточник слуха об «убийстве собак полицией». Им оказался двадцатидвухлетний парень по имени А Чжи, сотрудник рекламного агентства, расположенного прямо в «Цзинмэй Таоюань». Во время беспорядков он крутился среди блогеров, и камера запечатлела его лицо — на нем застыло выражение странного, почти болезненного восторга.

— Зачем ты врал? — спросил Е Бо.

В допросной А Чжи выглядел жалко. Он нервно тер руки, от его ночного запала не осталось и следа.

— Я... я не врал...

— Значит, это не ты пустил слух об убийстве собак?

— В-все так говорили...

— Кто — все? Ты — корень этой лжи!

А Чжи, выпускник заурядного вуза с заурядной работой в заурядной конторе, никогда не сталкивался с давлением полиции. Он тут же расплакался под тяжелым взглядом командира.

— Я же видел, как вы их ловили!

— Ловили — значит убивали? Ты видел трупы?

— Я предположил! Просто предположил! Я же не думал, что так выйдет!

Всхлипывая, А Чжи признался. Да, это он первым написал об «убийстве», но клялся, что не имел злого умысла.

Он был коренным жителем Наньхэ и с детства слышал, что в «Цзинмэй Таюань» живут только баснословные богачи. Сам он звезд с неба не хватал, родители тоже были простыми людьми. После выпуска он долго не мог найти работу и в итоге осел в крошечной фирме-однодневке, где терпел придирки коллег. Единственным светлым пятном было то, что офис находился в «Цзинмэй Таюань» — он чувствовал себя причастным к миру элиты.

Но со временем он понял: те, кто еще остался в этом комплексе, — просто выжившие из ума, закаменелые старики. Они обожали читать нотации молодежи, вечно причитая: «Вот в наше время...»

А Чжи знал Чжу Цзяньшоу. Тот был именно из тех людей, которых он ненавидел больше всего: презирал простых работяг и вечно бахвалился прошлым. Однажды А Чжи язвительно спросил его, каким бизнесом тот занимался, на что старик ответил, что ему и бизнес не нужен — деньги сами идут к нему в руки.

«Тоже мне, аристократ выискался».

Когда нашли тело, А Чжи тоже прибежал поглазеть. Видел, как ловят собак, потом его погнали на работу. Пока все обсуждали убийство, начальник распекал его за медлительность и завалил отчетами. Накопленная обида выплеснулась в сеть: он выложил фото погони за бродячими псами и снабдил его комментарием о «расправе».

Обычно его посты никто не замечал, он был пустым местом. Но в этот раз он вкусил сладкий плод всеобщего внимания.

— Простите, я правда не знал, что так получится!

Источник лжи о полиции был найден, но история с чихуахуа еще ждала подтверждения. Чжу

Мэйфэн, которую тоже доставили в управление, замкнулась в себе и наотрез отказалась говорить с полицией. Чжу Мэйсинь и Хэ Ли были покладистее, но клялись, что ничего не знают о собаке.

Жильцы и администрация «Цзинмэй Таоюань» в один голос твердили: у Чжу Цзяньшоу никогда не было пса. Он даже бродячих собак не подкармливал — этим занималась только Мэй Лисянь.

Юэ Цянь поспал от силы час, но чувствовал себя бодрее. Он сел напротив Чжу Таотао.

— У вас когда-нибудь жила чихуахуа?

Сын погибшего сидел на больничной койке — ночная стычка со стримерами стоила ему огромной шишки на затылке. Услышав вопрос, он вскинул голову и с изумлением уставился на следователя.

— Я не верю, что ты не слышал, что они кричали под окнами, — отрезал Юэ Цянь. — Так что там с собакой?

Чжу Таотао поник. Казалось, из него вынули хребет. Лишь спустя долгое время он поднял взгляд:

— Если его убили из-за этого, то я скажу — так ему и надо.

Юэ Цянь нахмурился:

— Значит, это правда?

Мужчина вцепился в одеяло, его плечи задрожали. Прошли годы, он сам стал отцом, но внезапное воспоминание о собственном бессилии снова заперло его в клетке прошлого.

Чжу Цзяньшоу действительно убил чихуахуа. Тогда они еще жили при судостроительном заводе. Чжу Мэйцзюань как раз пошла в гору, и отец купался в её деньгах, пока Таотао и Мэй Лисянь никак не могли привыкнуть к внезапному богатству.

В детстве Таотао был тихим, забитым ребенком. Друзей у него не было, и всю свою нежность он отдавал соседским кошкам и собакам. Он умолял мать купить ему щенка. В те годы содержание дворняги стоило копейки — просто делиться остатками еды. Мэй Лисянь была не против, но старик и слушать не желал. Он называл животных «паршивыми тварями», орал, что сын тратит время на чесание соседских псов вместо учебы. Он даже пригрозил: если Таотао завалит следующий экзамен, он перетравит всех собак в округе.

Мальчик в ужасе перестал подходить к животным, но вскоре рыжий пес соседа всё равно подох в муках от яда. Никто не знал, кто это сделал, да и соседу было всё равно — обычная шавка.

Но Таотао знал. Это сделал его отец. Маленький пес погиб из-за его плохой оценки.

Он больше не заикался о собаках. Но однажды, вернувшись домой, он услышал тонкий, залиvistый лай. Крошечный желтый комок радостно завилял ему хвостом. Мальчик замер — это существо не было похоже на привычных ему собак. Огромные, как у олененка, глаза и хрупкое тельце.

Чжу Цзяньшоу вышел к нему с довольной улыбкой:

— Ты же хотел собаку? Последний тест сдал прилично, вот тебе награда.

Радость мешалась со страхом. Таотао бережно взял щенка, боясь поднять глаза на отца. А тот горделиво вещал:

— Это чихуахуа. Породистая тварь, полторы тысячи отвалил. Не чета дворовым шавкам. Таких только богачи себе позволяют.

На Таотао словно вылили ушат ледяной воды. Отец купил щенка не ради него, а ради хвастовства, ради этого душного чувства превосходства. В те дни Чжу Цзяньшоу во всем вел себя так: покупал брендовые кожаные куртки, импортные телевизоры, заказывал кокосовые пирожные на весь цех... Лесть рабочих была для него воздухом, и этот тучнеющий мужчина упивался ею без остатка.

Таотао назвал щенка Сяо Шуай и заботился о нем как о самом дорогом сокровище. Старик, раньше ненавидевший собак, теперь обожал с ним гулять. В те времена чихуахуа были диковинкой, и каждый встречный на заводе спрашивал: «Что это за порода? Какой милашка!»

И Чжу Цзяньшоу каждый раз с неизменным пафосом отвечал:

— Чихуахуа. Иностранец. Меньше чем за две штуки такого не сыщешь.

Но бедный Сяо Шуай прожил всего год, прежде чем превратился в судорожно подергивающуюся плоть на бетонном полу.

Чихуахуа по природе своей шумные и активные. Поначалу отца это забавляло, но новизна быстро прошла. Стоило Сяо Шуаю твякнуть, как Чжу Цзяньшоу принимался его пинать. От боли щенок визжал еще громче, разрывая сердце. Однажды, вернувшись из школы, Таотао увидел, что пес от побоев сходил под себя прямо в комнате. Мальчик в слезах умолял отца остановиться. Тот сорвался и на него: орал, что сын только и знает, что возиться с этой тварью, потому и слаб в математике.

Таотао вспомнил отравленного рыжего пса. С одной стороны, он надеялся, что отец не убьет дорогую попку, с другой — понимал, что для Чжу Цзяньшоу нет ничего святого. Он зубрил математику до посинения, надеясь на чудо в конце четверти. Но таланта не было — он едва вытянул на троечку.

И в тот день он своими глазами видел, как отец, избив израненного Сяо Шуая до полусмерти, просто швырнул его с балкона.

Мэй Лисянь молча убрала тело, отмыла асфальт под окнами и не сказала мужу ни слова упрека. Таотао так и не решился взглянуть на то, что осталось от его друга. Он снова стал причиной чьей-то смерти.

Но самым страшным было то, что убийство щенка стало для Чжу Цзяньшоу очередным поводом для похвальбы.

— Мой чихуахуа? Да выкинул я его! Орал много, надоел. Подумаешь, две штуки... Куплю себе другого, подороже, который молчать будет.

Лишь спустя годы, когда чихуахуа подешевели и перестали быть символом статуса, старик перестал об этом вспоминать. После переезда с завода Таотао казалось, что он давно похоронил эту боль. Но сейчас он снова видел перед собой того невинного щенка.

Юэ Цянь задумался. Расправа над собакой произошла еще на заводе. После переезда в «Цзинмэй Таоюань» старик об этом помалкивал. Значит, об убийстве Сяо Шуая могли знать только те, с кем Чжу Цзяньшоу общался в те годы. Мстит ли убийца за щенка? Или просто использует эту историю, чтобы сбить следствие с толку?

В любом случае, ниточки снова вели к судостроительному заводу. Если добавить сюда кокосовые пирожные, картина становилась всё отчетливее: убийца — кто-то из «старой гвардии».

Чжу Таотао был на грани истерики. Юэ Цянь подождал, пока тот немного успокоится, и спросил:

— Ты знал, что 25 февраля Линь Цзяхань не вышла на работу?

Мужчина замер.

— Ты хочешь сказать... что это она? Ха... ха-ха... Да как это возможно?

Юэ Цянь пристально посмотрел на него:

— Линь Цзяхань жилось несладко в семье с таким человеком, как твой отец.

— Она... — Таотао долго молчал, потом покачал головой. — Как бы она ни ненавидела моего отца, она бы не убила. Она женщина, ей это не по силам. Да и ни к чему...

Он вдруг осекся, словно наткнулся на какую-то мысль. Юэ Цянь зацепился за эту паузу:

— Что ты хотел сказать?

Чжу Таотао закрыл лицо руками.

— Если уж говорить о мучениях... то кто страдал больше моей матери? Она — вот кто терпел его издевательства и капризы трех теток всю свою жизнь!

По пути в отдел слова сына покойного эхом отдавались в голове Юэ Цяня.

Больше всех страдала Мэй Лисянь.

Всю жизнь терпела унижения Мэй Лисянь.

Только она была рядом с Чжу Цзяньшоу с самого начала. Терпела нищету, когда денег не было, и терпела его спесь и насмешки, когда они появились. В ходе расследования образ Мэй Лисянь всегда оставался блеклым, почти прозрачным.

Все привыкли списывать её со счетов, ведь она была прикована к постели смертельной болезнью. У неё физически не могло быть сил на убийство. Но в этой семье именно у Мэй Лисянь было больше всего поводов для ненависти.

Юэ Цянь вспомнил их короткую встречу. Она была пугающе спокойна, узнав о смерти мужа. А на вопрос об убийце не дала ни единой зацепки.

В отделе снова собрались на совещание. Акцент расследования окончательно сместился на завод. После собрания Е Бо остановил подчиненного:

— Ты с самого начала вел линию судостроительного завода. Отправляйся туда прямо сейчас, поговори еще раз с ветеранами.

Но Юэ Цянь покачал головой:

— Командир, я присоединюсь к ним чуть позже.

Е Бо прищурился:

— Что, бессонная ночь дает о себе знать? Ладно, иди поспи пару часов.

— Нет, я хочу навестить Линь Цзяхань, — возразил следователь. — У меня появились вопросы, на которые только она сможет дать ответ. Без этого я не вижу направления.

Е Бо заинтересовался:

— Что за вопросы?

Юэ Цянь на мгновение задумался.

— Мне кажется, женщины, попадавшие в семью Чжу, обрекали себя на вечное терпение. Линь Цзяхань выбрала измену как форму бунта, она попыталась вырваться. А Мэй Лисянь терпела до самого конца.

Е Бо посерьезнел:

— Ты клонишь к тому, что...

Юэ Цянь лишь пожал плечами:

— Не знаю. Это пока лишь смутное предчувствие.

— Хорошо. Решай сам. Если что-то прояснится — сразу ко мне.

— Понял.

Юэ Цянь приехал в муниципальный детский сад, где работала Линь Цзяхань. Она была в фартуке и как раз руководила игрой детей во дворе. Женщина производила впечатление мягкой и кроткой особы: овальное лицо, гладкие волосы, собранные в низкий хвост, почти полное отсутствие макияжа. Когда кто-то из малышей падал или начинал капризничать, она с бесконечным терпением успокаивала их.

Следователь постоял у забора. Линь Цзяхань заметила его и, словно предчувствуя, что это по её душу, отвела детей в здание. Сказав что-то коллеге, она сняла фартук и вышла к Юэ Цяню.

— Снова допрос? — голос её был ровным. — Я уже говорила: когда с Чжу Цзяньшоу это случилось, я была дома.

Не дожидаясь ответа, она едва заметно пожала плечами:

— Впрочем, доказать я этого не могу. Можете мне не верить.

Юэ Цянь повидал немало подозреваемых, но такие, кто с порога заявлял об отсутствии алиби, встречались редко. Он решил начать издалека.

— Не беспокойтесь. Ваше дело — рассказать, где вы были, а наше — искать доказательства.

Линь Цзяхань бросила на него удивленный взгляд:

— И вы пришли сюда за доказательствами?

— Я только что от Чжу Таотао, он в больнице.

Следователь внимательно следил за её реакцией. При упоминании бывшего мужа губы женщины дрогнули.

— Вчера приехали его тетки, устроили поминки прямо в «Цзинмэй Таоюань». Сбежались блогеры, был большой скандал. Наверное, видели в новостях?

Линь Цзяхань опустила глаза и на мгновение замолчала.

— Алгоритмы подбросили видео. Почему он в больнице?

— Сцепился со стримерами, упал. Сказалось истощение и стресс, организм не выдержал.

Женщина лишь тихо выдохнула:

— Понятно.

— У вас ведь сохранились неплохие отношения, верно? — продолжил Юэ Цянь. — Вы переживаете за него, да и он, когда почва ушла из-под ног, первым делом набрал ваш номер.

Линь Цзяхань горько усмехнулась:

— Нас связывает только ребенок. Он — отец моей дочери, и ничего больше.

— Растить ребенка одной... должно быть, нелегко?

Она промолчала.

— Чжу Цзяньшоу больше нет. Не думали о том, чтобы начать с Таотао всё сначала?

— Это он вас подослал с такими разговорами?

— С чего бы? Я полицейский, а не сваха.

На лице Линь Цзяхань отразилось замешательство. Она не могла раскусить этого офицера — он совсем не походил на тех следователей, что приходили к ней раньше.

— Таотао рассказывал вам про Сяо Шуая? — Юэ Цянь открыл видео со вчерашним протестом у шатра. — Про ту чихуахуа.

Она покачала головой:

— Он никогда не говорил, что у него была собака.

Она нахмурилась, словно что-то припоминая.

— Но вы ведь предлагали завести питомца? — подсказал следователь.

Линь Цзяхань кивнула. Она рассказала, что когда они только начали встречаться, они еще не думали о детях. Она всегда любила животных, особенно собак. Стоило ей увидеть на улице пса, как она бежала его гладить, но Таотао всегда оставался в стороне. Однажды, тиская чьего-то терьера, она не выдержала: «Давай и мы заведем щенка!»

Лицо мужа мгновенно исказилось. Он даже не ответил — просто развернулся и быстро ушел. Она была в шоке: у Таотао был золотой характер, он всегда уступал ей в спорах. Она ведь просто спросила его мнение, не требовала немедленно бежать в магазин. С чего такая грубость?

Она обиделась и весь вечер с ним не разговаривала. Позже Таотао извинился. Сказал, что в детстве его сильно покусала собака и у него осталась психологическая травма. Она приняла извинения и больше никогда не заговаривала о животных.

— Теперь я понимаю... — вздохнула Линь Цзяхань. — Его травма — не укус, а то, как отец убил

его любимца. — Она снова замолчала, потом добавила: — Он мне ничего не сказал. Видимо, этот шрам в его душе слишком глубок.

— Даже сейчас вы пытаетесь понять его, сопереживаете ему, — заметил Юэ Цянь. — Тем меньше я понимаю, как вы могли разойтись.

— Потому что я изменила ему, — ответила она с обезоруживающей честностью.

— У каждой измены есть причина.

— Вы женаты? — неожиданно спросила она.

Юэ Цянь усмехнулся:

— У нас что, день открытых дверей в полиции?

— Вы выглядите совсем молодым, — продолжала Линь Цзяхань. — Наверное, только начали работать. Хорошее время — вы еще верите в любовь. А когда доживете до моих лет, погрязнете в быту, с двумя «черными дырами» вместо кошельков, с невыносимым свекром под боком и мужем, который задыхается под грузом ответственности за семью... в один прекрасный день вы поймете: так больше нельзя. И захотите хоть какой-то искры, пусть даже разрушительной.

— Вот как?

Она лишь улыбнулась — так взрослые улыбаются наивным детям.

— И как, вы теперь счастливы? — спросил следователь.

— Счастье — это роскошь. Я просто живу день за днем. У меня нет особых притязаний.

— Вы упомянули невыносимого свекра. А Мэй Лисянь? — Юэ Цянь зашел с другой стороны. — Она была хорошей свекровью?

Лицо Линь Цзяхань неуловимо изменилось. Спустя мгновение она ответила:

— Она — хороший человек, которому не хватало сил на саму себя. Но знаете... иногда такие «хорошие люди» — самые страшные. Потому что их невозможно ненавидеть.

Юэ Цянь нахмурился:

— Не понимаю. О чем вы?

— Отец Таотао, его тетки — все они презирали меня, были против нашей свадьбы. И только Мэй Лисянь тайком сказала мне: «Таотао и правда тебя любит, я на вашей стороне». В то время я колебалась. Я видела, что семья Чжу — это выгребная яма, и не понимала, зачем мне туда лезть. Да, я любила Таотао, но, как и в случае с покупкой щенка, я не из тех людей, которые во что бы то ни стало стремятся получить желаемое. Если бы не те слова Мэй Лисянь, я бы, скорее всего, не вышла за него. Но за все годы она ни разу не защитила меня. Ей самой в том доме доставалось куда больше, чем мне. Мне хотя бы не приходилось прислуживать теткам, а она была для них словно рабыня. Мне было жаль её, но именно потому, что она была «хорошим человеком», я не могла выплеснуть на неё свою злость. Теперь я понимаю: она — просто тот самый «хороший человек», который предпочел молчать.

Линь Цзяхань посмотрела Юэ Цяню прямо в глаза:

— Скажите, офицер, можно ли считать такого человека по-настоящему добрым?

Юэ Цянь помедлил с ответом:

— Кажется, у вас уже есть свой ответ.

— Да. Поэтому, когда она заболела, я ни разу её не навестила. Всё, что касается их семьи, для меня больше не имеет значения.

<http://bllate.org/book/15837/1440319>